

КРУГЛЫЙ СТОЛ: «МОСКВА — ПЕТЕРБУРГ: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ»

2 марта 2007 года

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Тема нашего круглого стола — «Москва и Петербург: лики культурной идентичности. Опыт сравнительной культурологии». Это первое мероприятие подобного рода из цикла, который предполагает провести Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов вместе с журналом «Вопросы культурологии».

Представляю участников сегодняшней дискуссии:

— Агошков Андрей Валерьевич, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, главный редактор журнала «Вопросы культурологии», кандидат философских наук;

— Голубев Александр Владимирович, руководитель Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории Российской Академии наук, доктор исторических наук;

— Дианова Валентина Михайловна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук.

— Лукин Владимир Николаевич, заместитель директора филиала Российской Таможенной академии, доктор политических наук;

— Марков Александр Петрович, профессор СПбГУП, доктор педагогических наук и доктор культурологии;

— Михайлов Андрей Александрович, проректор по научной работе СПбГУП, заведующий кафедрой истории СПбГУП, профессор, доктор исторических наук;

— Мосиенко Тамара Викторовна, профессор филиала Российской Таможенной академии, доктор политологических наук;

— Мосолова Любовь Михайловна, заведующая кафедрой мировой художественной культуры Российского Государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, профессор, доктор искусствоведения;

— Пелипенко Андрей Анатольевич, главный научный сотрудник отдела теории социокультурных процессов и систем Российского Института культурологии Министерства культуры России, доктор философских наук;

— Селиванов Валерий Владимирович, профессор кафедры философии и культурологии Российского Гуманитарного института при Санкт-Петербургском Государственном университете, доктор философских наук;

— Шестаков Вячеслав Павлович, заведующий сектором теории искусства Российского Института культурологии Министерства культуры Российской Федерации, доктор философских наук, профессор;

— Шор Юрий Матвеевич, профессор кафедры культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

Очень рад, что здесь много студентов и аспирантов из разных вузов города.

Тема нашего круглого стола является, пожалуй, одной из самых интересных для петербуржцев и москвичей.

Я бы выделил три субъекта российской культуры — Москва, Петербург и российская провинция. Постоянный трехвековой диалог Москвы и Петербурга — уникальное явление в истории мировой культуры, и второго такого диалога между двумя крупнейшими мегаполисами крупных государств, крупных этносов, цивилизаций мы, пожалуй, не знаем. Это взаимобогащающий диалог, хотя и противоречивый.

Помню, 10 лет назад я в запальчивости опубликовал в газете «Известия» статью «Москва сдалась новым русским», в которой утверждал, что в каждом городе много субкультур. Чем крупнее мегаполис, тем больше в нем субкультур, среди которых есть доминирующая культура. Так вот в Москве субкультура новых русских стала главенствующей, а в Петербурге главенствующей осталась культура интеллигенции. Эта статья вызвала много протестов, в том числе и мэра Москвы Ю.М. Лужкова, и со мной активно спорили.

Сейчас я думаю, что и Петербург сдался новым русским, и у нас новорусская культура очень активно начинает себя проявлять. Но это большой исторический спор, и здесь присутствует целый ряд очень ярких ученых, которые готовы внести свою лепту в данную дискуссию.

В. П. ШЕСТАКОВ: — Поднятая нами сегодня тема крайне актуальна. Не знаю, как для Петербурга, а для Москвы это очень важный разговор, поскольку мы не всегда узнаем лик нашего города, выходя из своего дома. Москва — это город, который трансформируется буквально каждый день. Мне довелось жить в старых районах Москвы — на Чистых Прудах, на Арбате, но и они уже изменились. На Арбате сейчас только туристы. Я знаю, что и центр Петербурга тоже подвержен современной трансформации, которая не всегда бывает удачной, с точки зрения сохранения исторического облика города. Поэтому наш разговор весьма злободневен.

Недавно в одной из телепрограмм состоялась дискуссия, которую вел Александр Архангельский. Поэты Петербурга и Москвы обсуждали ту же самую тему, ради которой и мы сегодня собрались. Мне их встреча не понравилась. Мило, но банально. Разговор шел на уровне: «Ты меня уважаешь? — Я тебя уважаю». То есть люди выяснили, что они друг друга уважают, и на этом все кончилось. Надеюсь, что сегодняшняя дискуссия будет более острой, проблемной.

Первая проблема — в каких отношениях находятся сегодня Москва и Петербург. Это отношения большого мегаполиса к малому городу или братские связи на равных? Что между нашими городами общего и что отличного?

Разумеется, есть много общего между этими двумя крупнейшими и значительными в истории России городами. Но что нас отличает и в чем, так сказать, специфика, своеобразие этих двух столиц?.. Можно, конечно, говорить об особенностях архитектурных ландшафтов, это очевидно, но главное — истории у них разные. Считаю, даже тип поведения, мышления у москвичей и петербуржцев разный. и если мы это примем, то нужно поднять вопрос: «Почему это так и чем мы отличаемся друг от друга?»

Для меня отличие Москвы от Петербурга заключается в понимании жизненного пространства. Для меня Петербург — это торжество строгой геометрии, культ прямой линии, тогда как Москва — это торжество центра и замкнутой окружности, которая как бы множит себя, как круги на воде. Если переводить на язык эстетики или культурологии, то следует сказать, что Петербург — это создание просветительского рационализма с его четкостью и ясностью, рациональностью, тогда как Москва — воплощение сознания и стиля барокко с его контрастами высокого и низкого, рационального и иррационального, телесного и духовного. Петербург — это эстетика прямой линии, Москва — символ замкнутой линии, если хотите, круга, окружности. Такова моя модель.

Мне кажется, что Москва и Петербург создавались по разному плану и по разным образцам. Москва с ее Кремлем должна была стать, так сказать, третьим Римом; Петербург, созданный по воле и рационалистической мысли Петра I, — северной Пальмирой. И хотя Москва не стала третьим Римом, а Петербург второй Венецией, культурные феномены этих городов проглядывают и в архитектурном комплексе, и в жизненном укладе обеих наших столиц. Если Петербург строился по четкому плану, то Москва создавалась из единого центра, который, как средневековый город окружался бульварным кольцом. Позже это первое кольцо дополнилось вторым, третьим, четвертым, и неизвестно, сколько мы в этих кольцах будем еще путаться. Все московское пространство сжато кольцевыми дорогами.

На мой взгляд, эти особенности жизненного пространства проявляются не только в архитектуре и транспорте, но и в традициях, стиле жизни и, я бы сказал, способе мышления и мироощущения. Лучшим доказательством тому является поэзия. Приведу несколько высказываний любимого мною Иосифа Бродского, который родился в Петербурге и для которого этот город очень много значил, хотя он жил и в Москве. Поэт написал об этих двух городах:

Меж Пестеля и Маяковской
стоит шестиэтажный дом.
Когда-то юный Мережковский
и Гиппиус прожили в нем
два года этого столетья.
Теперь на третьем этаже
живет герой, и время вертит

свой циферблат в его душе.
 Когда в Москве в петлицу воткнут
 и в площадей неловкий толк
 на полстолетия изогнут
 Лубянки каменный цветок...»

«Изогнут» — этим правильность петербургского пространства противостоит изогнутости культурного пространства Москвы. В Москве все движется по кругу. Это отражено в стихах другого поэта — москвича Булата Окуджавы. В одном из его стихотворений о Москве есть такие слова:

Полночный троллейбус, по улице мчи,
 верши по бульварам кружение...
 В другом стихотворении говорится:
 Иду по улицам его в рассветной тишине,
 бегу по улицам кривым (простите, города).

Можно было бы привести также строки Пастернака, Мандельштама, Цветаевой, Ахматовой, в творчестве которых есть замечательные образы Петербурга и Москвы, противостоящих друг другу.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Итак, это прозвучал голос из Российского Института культурологии, который находится в Москве. Продолжит нашу дискуссию Любовь Михайловна Мосолова, представительница Петербурга.

Л. М. МОСОЛОВА: — Уважаемые коллеги, на наших глазах формируется очень интересное профессиональное культурологическое содружество. Совсем недавно прошел первый российский культурологический конгресс, затем было проведено Учредительное собрание культурологов, которые постановили организовать культурологическое общество. Этот процесс совсем непростой. У нас, к сожалению, не развита наука о партнерстве и само партнерство; у нас все строится по старому иерархическому образцу. И даже отношения коллег-культурологов одних вузов не всегда справедливы по отношению к культурологам других вузов. Мне случалось слышать в Москве, например, в Институте культурологии, утверждения типа: «Ну, что такое Герценовский университет — учительский, или Институт культуры им. Крупской — «кулек», или Гуманитарный университет профсоюзов какой-то?.. Какая там может быть культурология?..»

Мне кажется, нужно освободиться от подобных высокомерных оценок друг друга. Не секрет, что если сравнивать рефераты самых разных аспирантов и докторантов, то иногда бывает, что в МГУ пишут гораздо хуже, чем в Вологде или в Ярославле. Везде есть сильные культурологи, как везде есть сильные и слабые люди.

Когда мы говорим о проблеме московской и петербургской идентичности, то подразумеваем, что наше культурологическое содружество

должно стать определенной моделью создания всего культурологического общества, где люди воспринимают друг друга как партнеры.

Москва и Петербург обязаны показать, как по-настоящему должен осуществляться диалог гуманитариев, культурологов. Ведь диалог — это взаимная симпатия, признание равенства друг друга, это общая работа.

Мне хотелось бы прежде всего призвать к тому, чтобы на здоровых нравственных, партнерских началах формировались наши общества, и в том числе Российское культурологическое общество.

Очень надеюсь, что Москва и Петербург продемонстрируют, что такое идентичность культурологов, и какова их роль.

Проректор РГПУ им. А. И. Герцена С. Б. Смирнов написал докторскую диссертацию «Москва и Петербург: три века взаимодействия». В ней развивается идея взаимодополняемости Москвы и Петербурга. Автор полагает, что лики этих двух городов разные, оба они ярко индивидуальны, но только единство этих индивидуальностей может привести к тому, что взаимодействие Москвы и Петербурга будет важнейшим уже по новым факторам развития культуры России.

В. В. СЕЛИВАНОВ: — Любые лики и типы культуры, конечно, имеют исторические корни. Кажется, Пушкин или кто-то из его современников, сопоставляя Москву и Петербург, сказал, что Петербург — это город в мундире, в сюртуке, а Москва — это город в халате. Имелось в виду, что Петербург в те времена был город чиновников, военных, где существовала верховная власть в стране, а Москва была городом, куда съезжались на зимний период крупные помещики и знать, которые чувствовали себя там свободно, нестесненно.

Любопытна параллель, которая возникла в предреволюционные годы: одновременно и в Москве, и в Петербурге появились одинаковые тенденции, связанные со стремлением объединить силы культуры и искусства в какие-то центры. В Москве благодаря ряду деятелей культуры было создано в 1906 году Общество свободной эстетики, которое возглавил Валерий Яковлевич Брюсов. В том же 1906 году из заграницы возвращается в Петербург со своей семьей Вячеслав Иванович Иванов, который арендует дом на Тверской — знаменитую «Башню», и там тоже начинается процесс консолидации творческих сил: поэтов, художников.

Меня заинтересовало, как эти процессы протекали в Москве и в Петербурге. В Москве это процесс был связан с тем, что члены Общества свободной эстетики договорились о помещении для собраний; возникла необходимость в уставе этого Общества, и он был утвержден; был также создан комитет и т. д. В целом это была очень хорошо организованная структура; там проходили заседания, писались ежегодные отчеты о деятельности, которые хранились в архивах, в библиотеках. Андрей Белый, который принимал в этом активное участие, отмечает в своих воспомина-

ниях, что начали-то очень хорошо, да кончили неважно. Сначала действительно началось объединение, приходили знаменитые художники, писатели, музыканты; устраивались концерты; были интересные доклады, проходили дискуссии, например в защиту журнала «Весы», о проблемах современной критики и т. д. А кончилось все постепенным ослаблением и фактически распадом этой организации. К 1917 году она прекратила свое существование.

Что повлияло на это? По словам Андрея Белого, в организацию, поскольку она была открытого типа, постепенно стали приходить люди очень разного толка, не для того, чтобы обсуждать вопросы эстетики, а просто поглазеть, окунуться в недоступный им ранее мир. Как считает Белый, эта масса зевак, представителей буржуазии и купечества, потихонечку заполонила Общество. В его зале для собраний засверкали бриллианты, заблестели шикарные костюмы, и потихонечку заглушили голоса художников, ученых и философов, они просто исчезли.

В Петербурге все происходило иначе. Общество никто не организовывал, просто Вячеслав Иванов приехал и снял квартиру, куда к нему начали приходить гости. Буквально через пару месяцев после его вселения в «Башню», там стали бывать многие известные люди, и уже через полгода квартира Иванова наполнялась колоссальным количеством народа. Александр Блок, завсегда этих вечеров, даже отметил как-то, что приходило чрезмерное количество народа, когда уже трудно было разговаривать. При этом не было никаких программ, как у москвичей; все доклады, сообщения, поэтические вечера возникали спонтанно, и время никак не регламентировалось.

Андрей Белый отмечает, что вскоре ивановские среды, фактически превратились в ночные заседания: гости приходили вечером и сидели до 5–7 утра, увлеченные своими разговорами. Не было никаких ограничений и в политическом, и тематическом отношении: там бывали Луначарский, Философов, Бердяев и многие др. Там велась какая-то самостоятельная, внутренняя работа каждого участника и всех вместе. Это широта и свобода не могли не иметь успеха. Более того, это Общество породило много новых тенденций; под его влиянием возникли определенные молодежные творческие направления, организации, какое-то время просуществовал небольшой женский кружок любителей словесности и т. п. До 1915–1917 годов город продолжал жить памятью об этих мощных собраниях.

Думаю, что подобное сравнение деятельности двух культурных организаций, действовавших примерно в одно время в Москве и Петербурге, очень интересно. Почему между ними такое различие? Общество свободной эстетики даже у нас не попало ни в какие справочники по эстетике; оно практически забыто, хотя сыграло большую роль в развитии московской культурной среды. В Петербурге все-таки все начиналось с товарищества, так сказать изнутри некоего сообщества, дружеской среды, поэто-

му все развивалось как бы из одного центра и постепенно становилось все шире, привлекая больше людей. Мне даже кажется, что все журналы и все, что происходило в городе, так или иначе проходило через эту самую «Башню». Там все зарождалось, возникали споры, которые выплескивались потом в журналы, в литературу и т. д. А в Москве возникла чисто официальная общественная организация; она формально открывается с уставом и прочей бюрократией, а потом разваливается.

Москве с ее репутацией «порфиноносной вдовы» хотелось какого-то административного начала. А в чиновном и служилом Петербурге, наверное, и так было слишком много администрации, поэтому наиболее живым оказывался прямой контакт человека с человеком.

И все же, когда мы говорим о Москве и Петербурге, нельзя их подразделять на какие-то отделенные друг от друга сферы, потому что среди тех, кто приходил в московское Общество свободной эстетики, было много и петербуржцев, а среди тех, кто «гостил» у Вячеслава Иванова, нередко были москвичи, например Брюсов. И эта духовная связь, мне кажется, была очень важна, несмотря на то, что общества строились на разных основаниях и действовали в разных направлениях. Представляется, что изучение подобной взаимосвязи очень интересно, перспективно и необходимо для понимания того, как Москва и Петербург могут жить, как должны складываться их реальные отношения.

А. В. ГОЛУБЕВ: — Мне хотелось бы возразить немного Вячеславу Павловичу Шестакову, который говорил о разнице Петербурга и Москвы. В том, что он говорил о Петербурге, я в принципе, согласен. А вот что касается Москвы, то здесь, мне кажется, есть одна серьезная неточность. Петербург создавался по строгому плану в соответствии с определенным типом рационального сознания, просвещения и так далее, я с этим согласен. А вот Москва не создавалась, — это слово ей совершенно не подходит, — она росла, стихийно, естественно. Если продолжить эту аналогию, то Петербург — это прекрасное, совершенное творение, что-то подобное драгоценному камню, а Москва скорее напоминает растение, может быть, даже и корявое.

Подчеркиваю, я не хочу эти разные и по-своему замечательные города как-то ранжировать, но между ними, на мой взгляд, все же есть очень большая разница.

Москва и Петербург — это два современных мегаполиса, и оба они имеют основание претендовать на роль «культурной столицы». Невозможно отрицать роль Москвы в русской культуре, как невозможно не отдавать дань и Петербургу.

Мне хотелось бы поставить вопрос по-иному: как два эти города позиционируют себя не в России, а в мире, — мир и Москва, мир и Петербург, мир за пределами нашего государства. Как Москва или Петербург

ощущают себя в мире, и как этот внешний мир воспринимает их? На мой взгляд, это очень интересная проблема, над которой могут работать и культурологи, и историки, и другие специалисты. Еще одна проблема, которую уже затрагивали и которую стоит обсудить, об объединении усилий культурологов Москвы и Петербурга.

Уверен, недостаточное знание и непонимание конкретной истории мешает в культурологических изысканиях и служит основой для разногласий и разъединения. К сожалению, очень многим моим знакомым историкам не хватает культурологического восприятия истории. В конце концов история — это на 90% культура в широком смысле этого слова.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Позволю себе две небольших ремарки по выступлению Александра Владимировича Голубева. Во-первых, с моей точки зрения, Александр Владимирович, Ваше восприятие истории как истории культуры на 90% — это новый взгляд, который сейчас начинает себя утверждать. И я, так же как и профессор А. А. Михайлов, здесь находящийся, Ваш сторонник.

Мы в нашем Университете тоже обратили внимание на тот факт, что практически до последнего времени история понималась как история войн, политических переворотов и экономических реформ; культура же традиционно, начиная со школьного учебника истории, всегда была на последнем месте. Собственно, история из нашего учебника состоит из перечислений: убили одного, пришел другой; захватили земли те-то и там-то; княжна такая-то вытворила то-то, ну и т. д. И только на последних страницах учебника — чуть-чуть о том, что человек попытался полететь, сделать что-то, связанное с культурой и улучшающее этот мир; еще, оказывается, случайно жил Андрей Рублев в такое-то время и пр. То есть культура была всегда на периферии. Поэтому мы в Гуманитарном университете профсоюзов сторонники той же точки зрения, что и Вы: человеческая история — это в первую очередь история культуры и история человеческого гения. Думаю, большинство или даже все присутствующие здесь культурологи, конечно, с таким подходом согласятся.

Во-вторых, я хотел бы также сказать, что при зарождении и развитии культурологии очень трудно определить: историк культуры — это историк или культуролог. Вместе с Александром Петровичем Марковым мы сейчас работаем над проблемами методологии разных наук, и у нас складывается впечатление, что при развитии, при дифференциации наук (известно, что вся история научного знания — это история в основном дифференциации наук) конкретные прикладные науки очень сузились. По мере их ухода вперед они сильно оторвались от философии как мировоззренческой основы наук, и таким образом сформировалось очень большое пространство для культурологического метода. Культурология начинает занимать весь-

ма специфическую позицию между философией и другими гуманитарными науками.

Действительно, нашим историкам порой не хватает культурологии. Но и культуролога не бывает без знания истории — это совершенно очевидно.

А. А. ПЕЛИПЕНКО: — Будучи культурологическим шовинистом, я исхожу из того, что история является историей культуры не на 90, а на 100%.

Разговор о Москве и Петербурге я хотел бы начать с некоторых общих замечаний, которые позволят создать контекст для обобщающих параллелей.

На мой взгляд, существеннейшим образом изменило общую культурную ситуацию в нашей стране за последние 15 лет то, что я называю «смертью Должного». Подспудно оно организовывало мир ценностей, весь жизненный строй, уклад и ментальность по крайней мере традиционного человека в самом широком смысле слова; замыкало все ценностные иерархии и создавало некоторый полюс притяжения жизненных устремлений, то пространство, внутри которого и разворачивался весь культурный процесс.

Разумеется, это связано не только с традициями нашей страны, это общесредневековая ситуация в истории. Но наша страна начала выходить из нее с трагическим опозданием — только в 1991 году, когда тот самый скрепляющий контур, который я называю «Должным», фактически уже был разрушен. Именно в этом контексте мне и хотелось бы сопоставить наши две столицы — Москву и Петербург.

Во всех теократических и идеократических обществах, в которых существовала презумпция должного, на основе подобного рода государственности сформировалась империя. И какую бы мы ни рассматривали идеократическую империю, будь то Рим, Византия или турецкая Порта, мы видим, что это страна одного города. Есть один большой город, а за его пределами — небольшая провинция. Например, если отъехать от Москвы километров на 80, то дальше расстояние уже не важно: что 800, что 8000 — все это будет одна большая провинция. И это, я думаю, даже не нужно комментировать, достаточно просто посмотреть.

Россия в этом смысле была совершенно уникальной, потому что у нее было две столицы, которые соперничали друг с другом и отразили удивительную специфику российской культуры.

Здесь я должен сделать очень короткое отступление, пояснив два понятия «империя» и «модернизация». Обычно под империей понимается очень широкий круг явлений, часто не имеющих между собой ничего общего. Так, например, почему-то не принято разделять империи идеократические и колониальные. Мне представляется, что это настолько разные вещи, что их одним словом называть нельзя.

Идеократическая империя — это не концессия по ограблению колоний, приправленная какой-то цивилизаторской миссией. Это осуществление некоего божественного проекта, когда империя всегда мыслится как империя всемирная, только временно обретающаяся в каких-то границах. В этом смысле Россия, безусловно, является идеократической империей.

Идеократия Российской империи окрашивалась в очень своеобразные тона благодаря тому, что начиная с XVI века, а после Петра I совершенно четко и ясно в ней борются два императива. Первый императив — это формирование национального феодального средневекового государства, а второй — это имперский проект, который реализовался прежде всего в плане противостояния Европе. Эти два лейтмотива постоянно между собой боролись и стремились друг друга подавить.

Возникновение Петербурга соответствует мифологии зарождения порядка из хаоса, когда среди хлябей и лесов вдруг рождается произведение градостроительного искусства.

Понятие модернизации также дифференцировано. Подразумевается, что в России были две модели модернизации. Первая модернизация, собственно говоря имперская, представляет собой жирную линию доминанты, когда модернизировались лишь отдельные стороны жизни, прежде всего военно-административные и связанные с ними, для более успешного противостояния все той же самой Европе. Другая линия модернизации, которая была скорее вялым пунктиром, — это линия на модернизацию всего общества с целью рецепции, адаптирования либеральных, просвещенческих в широком смысле западно-европейских моделей. Причем она не противоречила и не противопоставлялась имперской (я имею в виду, например, эпоху Александра II).

Москва реализовывала и воплощала своим духом, функцией, всей своей образностью и смысловым комплексом идею этой религиозно-мистической идеократической утопии. А Петербург — это скорее некая бюрократическая утопия, которая сродни ренессансным утопическим проектам, так или иначе замешанным не столько на идеократических, сколько на просвещенческо-рационалистических аспектах. В некотором смысле их можно назвать либеральными идеями. Этим, на мой взгляд, определяется некоторая доминативность и субдоминативность двух столиц; когда доминировала одна из столиц, другая с неизбежностью начинала провинциализоваться.

Разумеется, ни Москва, ни Петербург никогда не становились провинциальным городом, но в тенденции это наблюдалось. В дореволюционные времена, когда столицей был Петербург, мы видели провинциализацию Москвы. Это можно проиллюстрировать и на истории архитектуры: например, тем, как выглядел московский классицизм по сравнению с петербургским, и на многом др. И, наоборот, когда при большевиках столицей вновь стала Москва, возросла и ее идеократическая нагрузка, то есть

стремление быть некоей сакральной моделью, тем культурным гумусом, который в ней исторически сложился и отражается на лицах людей. Если можно так выразиться, «психологии» столицы, имперской метрополии и просто мегаполиса — совершенно разные.

Причем говоря «провинциализация», хочу полностью снять с этого слова любой оценочный привкус. Потому, что в последние 15 лет характер культурных процессов в нашей стране таков, что и само содержание консервативных тенденций, которые, как правило, сопутствуют провинциализации, стало совершенно иным. Деструктивные процессы и процессы, связанные с деградацией, и в объемном, и в динамическом смысле сейчас превалируют над конструктивными. А это обычно связывают с консерватизмом, понимая его как сдерживание каких-то продуктивных инноваций, когда он оборачивается уже обереганием от разрушения.

Если сопоставить, например, такие частные вещи, как язык, то в Петербурге процессы вавилонизации и варваризации речи существенным образом замедлены по отношению к Москве. (Это вдобавок к тому, что Александр Сергеевич заметил относительно новорусских процессов.)

К сожалению, в последние годы мы в Москве не видим петербургское телевидение. Но когда это было еще возможно, я совершенно сознательно сопоставлял, как происходит выдавливание эстетического элемента из обыденного сознания людей, создающих телепрограммы, и насколько Москва в этом опережает Петербург. Это факт, насколько быстро эстетическая, художественная образность выветривается из мышления москвичей и как долго, просто на удивление долго, она сохраняется в мышлении петербуржцев.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — У коллег могут быть разные мнения. Как говорится, научная дискуссия — это способ каждому укрепиться в своих заблуждениях. Поэтому хорошо, когда есть разные мнения.

А. П. МАРКОВ: — Как известно, осознание своей уникальности каждый субъект (личность, нация, в том числе и город как исторически сформировавшееся ценностно-устойчивое сообщество) четче и яснее обретает лишь в системе коммуникации, в соотношении и сопоставлении себя с другими. Вот почему значительный пласт петербургской самобытности формировался в культурном диалоге-конflikте с Москвой. Наверное, причина такого конфликта — неизживаемая биполярность русской души. России был нужен Петербург как «*Не-Москва*». Это было обусловлено не только исторической необходимостью, но и особой провиденциальностью русской культуры, которая нуждалась, как отметил в свое время московский культуролог В.Н.Топоров, в двух стратегиях, двух путях своего осуществления.

Таким образом, Москва и Петербург – это два культурных полюса, которые взаимоориентируются друг на друга, выстраивая себя как антитеза по отношению к «иному». Причем, активная роль в этом диалогическом конфликте принадлежит нашему городу, что во многом объясняется его «молодостью» и вытекающим отсюда стремлением самоутвердиться, в конфронтационной манере решить свои «подростковые» проблемы. В то же время, когда ученые Москвы и Петербурга ведут диалог о роли этих великих русских городов в судьбе России, то говорят, в основном, о феномене города на Неве. И в этом тоже можно обнаружить специфику диалога и особый предмет интереса – Петербург как культурный символ русской истории и культуры.

Я позволю себе остаться в рамках такой традиции, при этом мой ракурс и жанр размышлений – мистико-культурологический, а тема выступления звучит так: «Санкт-Петербург: конфликт имени и сущности». Я попытаюсь объяснить – больше для себя – ту дипольность города, те противоречия и крайности, которые обнаруживает и сам город, и его восприятие: от безграничной любви до лютой ненависти, от восхищения до оценки города как центра зла и страданий

Вначале выскажу гипотезу: судьба и проклятие города обусловлены изначальным конфликтом имени и сущности, который обнаруживается по нескольким основаниям. Как известно, имя (человека, страны, города) не только отражает, но и меняет, творит сущность (а у Павла Флоренского сказано даже сильнее – оно переструктурирует, ломает внутреннюю природу, если она не отвечает сущности имени). Это особенно зримо на явлениях искусственных, созданных по замыслу, силою воли. При этом выбор имени – это всегда и случайность, и закономерность.

Конфликт имен и сущностей, имеющих отношение к Санкт-Петербургу, многослойный. Во-первых, просматривается печать случайности имени и драматизм образа основателя. Как известно, Петр родился 30 мая 1672, но в силу ряда обстоятельств был крещен в день поминания своего небесного покровителя Апостола Петра – 29 июня. Но в то же время (а это уже другой полюс) Петр I, как известно, был первым антихристом в русском самосознании (народная молва связывала с Петром число 666). Во-вторых, евангельская символика, связанная с Апостолом Петром, содержит несколько смыслов, которые различным образом обнаруживаются в судьбе города. Мы знаем, что апостол Петр – символ отречения и самоотречения, вначале – как предательство Учителя (Петр трижды отрекся от Иисуса), а затем – отречение от призвания, отречения в смысле самопредательства (после распятия Христа Петр снова рыбачит). А дальше (после урока Христа, показывающего пагубность человеческой гордыни и самоуверенности) – абсолютное самоотречение и страдание как ценность – мы знаем о его мученической смерти за веру (в Первом Послании Петр пишет:

«мы живые камни» для строения «духовного дома», «кто пострадал во плоти, тот оторван от греха»).

Далее, Святой Петр – это символ обретенной веры и творящего Слова, Логоса – после воскрешения Христос Петру повелел «пасти стадо» – и Петр говорит о духовном росте благодаря «питанию чистым словесным молоком».

Мне кажется, не случайно Санкт-Петербург стал «обителью русского слова». Город, как в свое время отметил Г.П.Федотов, как бы наверстывал многовековое молчание России – словом ответственным, моральным (в статье «Три столицы» философ писал: «Русское слово расторгло свой тысячелетний плен и будет жить. ..Только Петербург расколол пленное русское слово, только он снял печать с уст православия»).

Мне кажется, в судьбе нашего города наблюдается явный диссонанс имен города и его сущности, которая менялась в истории (в том числе творя и ломая судьбы людей).

Логика смены имен города известна – он трижды отрекался от имени: Санкт-Петербург (16 мая 1703г так была названа крепость), Петроград (1914), Ленинград (1924 г. – третье имя города сопровождается своеобразной символикой – как известно, спустя полгода происходит страшное наводнение, уровень воды в Неве тогда превысил отметку в 369 см.), и затем снова Санкт-Петербург (1991г.).

Но за этой сменой имен стоит логика смены различных сущностей, которые отрицали или накладывались друг на друга. Можно обнаружить несколько моделей (или проектов) сущности, которые со временем рождали свою крайнюю оппозицию (т.е. своеобразный антипроект).

Во-первых, изначально был задуман и реализован Европейский проект (окно в Европу, «западнический соблазн», как писал Федотов), город, который должен был выполнить миссию европеизации и либерализации страны, в том числе и через массовый приток иностранцев. Это было «второе окно» в отечественной истории, причем, прорубаемое с нарастающей энергией насилия (первое «окно» – это крещение, обретение греческого христианства, т.е. окно в Византию). Санкт-Петербург стал «окном» в романо-германский мир, латинский в своей основе, выстроенный на базе католицизма и протестантизма, что в итоге вызвало раскол русского мира, стало источником беспочвенности и нигилизма с исходом в 17 год.

Оппозиция проекту – так называемый «Петербургский текст», в котором показаны глубины национальной души, здесь можно назвать таких писателей и мыслителей как Пушкин, Гоголь, Достоевский, Андрей Белый, Блок, Мережковский, Вяч. Иванов и сотни других.

Второй проект – «Столица Российской империи». Этот полюс городской сущности изначально был персонифицирован образом святого Александра Невского, мощи которого Петр 1 перенес из Владимира в Александро-Невский монастырь. В реальности же Петербург стал бездушным го-

родом чиновников, русской бюрократии, вицмундиров, иностранцев – «немецким пятном на русской карте», как охарактеризовал его Г.П.Федотов. Первая мировая война быстро «похерила этот «Бург», а революция «слизнула без остатка».

Оппозиция проекту – формирование петербургской интеллигенции, предопределившей гибель империи, с ее крайним нигилизмом и последующим исходом в февральскую и октябрьскую революцию.

Третий проект – «город-Космос» - город как искусственное творение, созданное вне природной логики (город на болоте, без почвы, город как факт и результат насилия над природой и здравым смыслом, с самого начала в идее города многие усматривали нечто изначально безумное).

Оппозиция проекту – Хаос, смерть, миф о конце, потопе, который присутствует в самосознании города как его эсхатологическая направленность, Это видно в его легендах о неминуемом конце (вроде бы видение, посетившее заточенную в монастырь монахиню Евдокию Федоровну, бывшую жену Петра и мать царевича Алексея, сообщило: Петербург не устоит. Быти ему пусту». После того все последующие века – бесконечные предсказания гибели, потопа).

Тема хаоса, бездны, зла, небытия проходит сквозь творчество многих русских писателей и поэтов. З.Гиппиус: «...твое дыханье смерть и тленье, А воды – горькая полынь». Или строки О.Мандельштама:

«Помоги, Господь, эту ночь прожить:

Я за жизнь боюсь – за Твою рабу.

В Петербурге жить – словно спать в гробу».

Однако в истории Петербурга возник еще один, внеплановый проект, обусловленный сущностью и продиктованный именем. Это проект «Святой город», «Четвертый Рим». Отметим при этом, что оппозицией святости стал «Петербург – город зла» - всякой нечисти, чертовщины (тема сатаны, Люцифера есть в творчестве Гоголя, Соловьева, Блока, Сологуба, Вяч. Иванова. А вот еще один характерный пример: в 1906 году журнал «Золотое руно» объявил даже специальный конкурс на тему «Дьявол»...).

Петербург святой город не только количеством жертв. Глубоко русское в этом городе, как писал Г.П. Федотов, сохранение «атмосферы пламенной веры». Существовала легенда, когда в последние дни Оптиной пустыни один из ее старцев послал свое благословение Петрограду – «Самому святому городу по всей России». Миссия города в этой его ипостаси – быть православной столицей русского Севера, как считал Г.П.Федотов, «хранить святыни Русского Севера, самое чистое и высокое в прошлом России». Можно обнаружить и другие грани святости: «город-жертвоприношение» (город мучеников - от первых строителей до жертв блокады), «город-жертвоприношение» народа русского....

Это линия сущности резонирует с образом Святого Петра – отречения, переходящее в самоотречение, отречение от человеческой природы –

не случайно это становится символической линией биографии города от его начала. В этом плане Петербург – символ жертвоприношения (жертвенность предполагает отказ, страдание, преодоление телесности). Еще одна цитата Г.П. Федотова: «Ужасный город, бесчеловечный город! Природа и культура соединились здесь для того, чтобы подвергать неслыханным пыткам человеческие души и тела, выжимая под тяжким давлением прессов эссенцию духа. Небо без солнца, промозглая жижа под ногами, каменные колодцы дворов среди дворцом и тюрем – дома-гробы, с перспективой трясины кладбища, - туберкулез, и тиф, изможденные лица тюремных сидельцев... Для пришельца из вольной России этот город казался адом. Он требовал отречения – от солнца, от земли, от радости. Умереть для счастья, чтобы родиться для творчества. Непримиимо враждебный всякому язычеству, невзирая на свои римские дворцы, он требовал жизни аскета и смерти мученика »

Проект города-жертвы, символа абсолютного самоотречения персонафицирован удивительным образом Блаженной Ксении Петербургской, которая ради любви и спасения взяла на себя подвиг казаться безумной, за что получила от Бога дар прозорливости и чудотворения. Наверное, именно «петербургская святость» породила в рамках «петербургского текста» удивительно красивые женские образы, и прежде всего образ пушкинской Татьяны, которую сотворил гений художника, тонко чувствовавшего исходящие от города стихии святости. Как известно, Татьяна выше любви поставила долг («...но я другому отдана и буду век ему верна»), который предполагает самоотречение, требует усмирения человеческой гордыни.

Мне кажется, именно на символической «почве самоотречения» как сущностной черты национальной ментальности возникла русская интеллигенция (это «святое священство»), с ее устремленностью в идеальное, нравственной напряженностью, и как следствие – душевным изломом (излом от истощения, от постоянного напряжения преодолевать человеческую чувственность). «Идейность и беспочвенность» – это одновременно есть и символ интеллигенции, и точный образ города (почти вся зарубежная Россия, писал Федотов, лишь «оторванные члены России петербургской»).

Последний проект «Петербург – Четвертый Рим», в отличие от всех предыдущих, на мой взгляд, еще до конца не реализован. В этом контексте можно лишь отметить логику и перспективу динамики сущности Санкт-Петербурга, который все больше становится «окном» в душу России, в ее неосознанные до конца глубины, где всего в избытке: добра и зла, возвышенного и низменного, святого и звериного. Всмотриваясь в душу русской культуры, город стремится понять ее «божественный» замысел, призвание, миссию.

Смысл последнего проекта реализуется не только в стихии самосознания рефлекслирующей российской интеллигенции. Мне кажется, сам об-

раз города, стиль его жизни всегда создавал особый духовный резонанс в России, поддерживающий и питающий существенные черты русской культуры. Надеюсь, что Петербург действительно станет подлинной культурной столицей России, источником и символом той духовной энергии, которая поможет нам понять прошлое и обрести достойное будущее. По крайней мере, сегодня духовные энергии города питают наши сердца и души, позволяя сохранять человечность в этом непростом мире. Спасибо.

А. А. МИХАЙЛОВ: — Мне очень близка мысль Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что Петербург — самый русский из русских городов. Это проявилось в том числе в той полной способности к самоотречению, о которой говорил А. П. Марков.

У Мережковского есть замечательная мысль, что Петр I — самый русский человек, потому что смог полностью отказаться от внешне русского во имя чего-то более глубокого, что в нем было. Поэтому, наверное, к счастью, что все четыре названные А. П. Марковым проекта все-таки осуществились.

Когда я читал в свое время книгу Смирнова, о которой здесь уже упоминалось, то был потрясен мыслью, что нет ничего такого, что говорили бы о Москве и чего в другое время не говорили бы о Петербурге, и наоборот. Наверное, все помнят «Мертвые души» Гоголя. Там есть одна знаменитая фраза. Когда Чичиков спрашивает сына Манилова: «Вообще какие есть в России города?», Алкид Манилов отвечает: «Москва и Петербург». В этом — глубокая ирония Гоголя.

Постоянная взаимозамена функций Москвы и Петербурга — образно говоря, «мундира» и «халата» — это очень интересный повод для рассуждения. Так, XIX век, пушкинское время, рефреном звучит: Петербург холодный, негостеприимный, рационалистический; Москва — гостеприимная, неформальная, оппозиционная. В советское время все наоборот. В этой двойственности и постоянном противоречии есть какая-то очень интересная глубина.

Дмитрий Сергеевич Лихачев как-то сказал, полушутя, полусерьезно: «А не построить ли один общий проспект, соединяющий Петербург и Москву?..»

Ю. М. ШОР: — Позвольте напомнить, отчасти в продолжение выступления Александра Петровича Маркова, об одной удивительной, хотя и общеизвестной поэме Пушкина — повести в стихах «Медный всадник». В ней поэт рождал миф о Петербурге. Величие Пушкина в том, что он художественно осмыслил и претворил схемы русской культуры и духовности — того, что Зеньковский называл «немотствующим Логосом».

Действительно, культурология невозможна без раскрытия, без постижения духовной стороны истории и жизни человека. «Медный всад-

ник» необычная поэма, странная, в ней поэтом намечены три стихии, связанные с мифологическим рождением города.

Пушкин камуфлирует поэму под поэтический рассказ о страшном наводнении 1824 года. Он даже пишет, что справиться о том, насколько его пушкинский текст соответствует реальному событию, можно в книге Берха, если я не ошибаюсь. На самом же деле им создается самодовлеющий текст с мощной мифологической подкладкой.

В поэме показана стихия немотствующих лесов и болот, из которых потом вырастает город (реально это было не так, но поэту точность здесь совершенно не важна). У стихии два лика. Одна будет противостоять человеку, мстить наводнением, крушением замыслов человека. Вторая стихия — это жуткая, страшная, исполинская воля Петра, которая работает, с одной стороны, на крови, на костях, на беде, а с другой — создает великое чудо, которое не может не вызывать восхищение:

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид.

Это чудо, которым насыщается взгляд поэта, тоже имеет два лика. И, наконец, лик третий — это маленький человек Евгений с его стихийной любовью к Параше, обратной стороной которой является бунт Евгения — бунт, по сути дела, против Бога. Евгений пугается, сникает, ему кажется, что Медный всадник гонится за ним, он сходит с ума, гибнет.

Смотрите, как интересно: с одной стороны, Пушкин надеется на то, что вечный сон Петра I не потревожат больше никакие беспокойства, а с другой — хладный труп безумца. Из этого вырастает мифология Петербурга; из этого вырастает природа пограничного Петербурга Гоголя; из этого вырастает и Петербург Достоевского с его вонючей Сенной и Раскольниковым; из него вырастает мистический город Блока. Конечно, без мистики нет Петербурга. Эта мистика и святость города проявилась позже в чудовищной блокаде. Это дух Петербурга: с одной стороны, город-жертва, а с другой — призрак.

Не хочется проводить сравнение с Москвой, но Петербург — особый, экзистенциальный город, открытый каким-то необычайно тонким ветрам бытия. Хорошо, если все это не погибнет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Профессор Шор, чувствуется, поддерживает точку зрения, что «Петербургу быть пусту».

Позволю себе небольшое замечание: конечно, у нас получается хорошая дискуссия, и каждое высказывание само по себе безумно интересно. Но когда соединишь их вместе, появляется ощущение, что разные ученые с завязанными глазами подходили к некоему слону, ощупывали его и пытались рассказать, как он выглядит. Один трогал ногу, другой хвост, третий бивень, четвертому хобот попался, поэтому все говорили о нем совершенно различно.

Мы, действительно, сегодня рассматриваем с разных сторон отношения между Петербургом и Москвой, и все высказанные суждения дополняют друг друга. Однако я надеялся, что мы нащупаем некое зерно, которое может стать базовой культурологической концепцией, объединяющей эти два понятия — Москву и Петербург, и в то же время позволяющей выявить различия. Но пока, мне кажется, базовая основополагающая концепция, которая бы вместила и обозначила различные грани нашего разговора, не прозвучала.

Думаю, культурология великая наука, которая в силах объяснить нам, что происходит с Москвой и с Петербургом. Эта тема не может нас всех не волновать. Примерно четверть нашей аудитории составляют люди, родившиеся в Петербурге. Два мегаполиса привлекают огромное количество людей из провинции.

Думаю, Москву и Петербург можно выделить как явления, феномены культуры, рассматривая их в более широком контексте российской и мировой культуры.

Когда мы начинаем говорить: «Россия, Петербург», невольно должен возникнуть вопрос: «А что такое Россия? Является ли она Европой или Евразией?» Этот знаменитый спор славянофилов и западников до сих пор, наверное, не завершен.

Дмитрий Сергеевич Лихачев видел в Петербурге вершину европейской культурной традиции, правда, с определенной поправкой. У него есть очень интересная историко-культурологическая теория, из которой вытекает, что крупнейшее событие в российской истории — это принятие христианства, и что Россия — это Европа, но идущая не от Рима, а от Византии. Этим обусловлены все наши различия с Европой, которые мы хорошо ощущаем. Лихачев говорил, что вся территория России до Владивостока по своей культуре — европейская; это практически единая культура. Евразия же — понятие географическое, и он по-своему очень интересно и ярко это обосновывал. А Гумилев столь же интересно и ярко обосновывал евразийскую концепцию. И обе концепции цельны. Так и наша дискуссия.

Уникальность диалога Москвы и Петербурга в том, что это действительно две равноправные столицы. Было много стран, в которых столицы перемещались, но нигде это не вылилось в формирование двух равных мегаполисов. Думаю, что самое ценное в существовании двух мегаполисов — это их непрерывный диалог и, я бы сказал, их постоянная конкуренция. Можно, конечно, выявить и общие черты, и различия этих городов, поскольку и то, и другое лежит в рамках одной большой культуры. Но конкуренция Москвы и Петербурга необычайно интересна тем, что она необычайно плодотворна. Я бы даже отдельно поставил вопрос о том, какой результат для развития российской культуры дает конкуренция.

Думаю, что оба города в своих основных чертах — это олицетворение господствующей культуры на тот момент, когда они были столицами,

потому что столица в любом государстве, в любом этносе, в любом крупном государственном образовании является квинтэссенцией культуры и олицетворением передовых тенденций.

Нам могут нравиться деревня, избушка, речка в Вологде, но если мы говорим об устремленности вперед и о квинтэссенции какого-то вектора национально-культурного развития, то в первую очередь он проявляется в столице. Столица — это такое сосредоточие, куда непрерывно стремятся наиболее динамичные представители этноса, где все бурлит, где самая яркая творческая жизнь. Диалог Москвы и Петербурга все время подпитывался передачей через 750 км столичных функций от одного города к другому. Это две вершины развития нашей культуры: Москва была вершиной допетровской культуры, Петербург — российской культуры досоветского времени. Какая выше — можно поспорить.

Сейчас опять столица переместилась в Москву, там идет наращивание мускулов, кипение и бурление жизни, но все же есть, конечно, основополагающие культурные различия. Безусловно, Москва, так исторически сложилось, стала центром российской хаотичности, а Петербург — упорядоченности, рациональности. На то есть свои причины, они вытекают из особенностей эпох, когда тот или иной город становился столицей.

Должен признаться, я влюблен в Петербург. Я еще успел застать настоящую петербургскую интеллигенцию, которая была примером для всей страны. Сейчас в Петербурге бытовая культура ниже, чем в Москве, ниже, чем в провинции, — мы перестали быть тем Ленинградом, Петербургом, которым гордились.

Почему этот удивительный петербургский тип культуры появился здесь? Мне довелось встречаться со многими замечательными людьми. Моисей Самойлович Каган сказал, что Петербург — это не «окно в Европу», а «дверь» из Европы в Россию; Москва же — это «окно» в Америку. Она подобна Нью-Йорку, в нем было такое же хаотичное строительство.

Некогда главный архитектор Петербурга Харченко рассказывал мне, что после войны для восстановления Москвы советское правительство собрало большую группу петербургских архитекторов, вывезло их в Москву и приказало: «Сделайте так, чтобы Москва была лучше Петербурга, чтобы она была строгая, величественная, красивая». А что получилось? Москва петербургских архитекторов «переварила», «переплавилась», и они стали строить, как в Москве. Потому что это были талантливые петербургские архитекторы с классической школой, и они вынуждены были идти вслед за внутренними тенденциями архитектуры, которые уже были заложены в градостроительстве Москвы. Потому что нельзя из Москвы сделать Петербург. И слава Богу, что нельзя. Архитектура — это то, что от поколения к поколению больше всего передается и больше всего влияет на образ города.

Харченко мне напомнил о еще одном удивительном свойстве Петербурга: все время в него приезжали новые люди, и архитектура города формировала их душевный строй. После блокады почти никого из местных жителей Ленинграда не осталось; потом со всей страны приехали в него самые разные люди, на каждого коренного ленинградца было десять иногородних. Это были люди с различным уровнем образования, с иной культурой, но вскоре стали вести себя так, как все коренные ленинградцы. И это — влияние Петербурга.

Так было до начала 1970-х годов, когда старая петербургская культура рухнула. Существует интересная версия объяснения данного явления: 70-е годы XX века — это время массового жилищного строительства в Ленинграде, когда стало появляться все больше новостроек. Тогда, например, отстроили и наше милое Купчино, правый берег Невы, Гражданку и др. Сейчас площадь старого Петербурга составляет не более 7% от площади всего города. И люди, которые живут в таких новых районах, уже не могут быть такими, какими были старые петербуржцы, каждый из которых «и в Летний сад гулять водил» своих детей. Они живут теперь на улицах, которые можно увидеть и в Набережных Челнах, например. Они не водят уже детей гулять в Летний сад, они выпускают их в «коробки» дворов, которые вызывают совершенно иное психофизическое ощущение. Поэтому, начиная с 1970-х годов, город перестал формировать новые поколения петербуржцев, точнее, это уже были не совсем петербуржцы.

Оказывается, огромное влияние на сознание людей оказывает именно пространственно-образная среда — старая часть Петербурга, это город-дворец, который создает совершенно особое психофизическое настроение человека. Отсюда и метафизические ощущения и многое другое.

Думаю, что мы должны анализировать сходство и различие Петербурга и Москвы для того, чтобы лучше понять развитие нашей российской культуры и то, как нам жить дальше.

Сейчас, как вы знаете, существуют попытки радикальным образом изменить Петербург. Нам собираются строить небоскребы. Это как если бы посреди Венеции построили небоскреб и сказали: «Он вам не помешает, ребята, главное, что деньги в город придут, понимаете ли». А я говорю, что если вы не можете деньги в город привлечь иначе, тогда освободите ваши руководящие должности, пусть их займут те, кто сможет сделать лучше.

Недавно Даниил Гранин приехал из Венеции и поделился своими впечатлениями о ней: «Какой интересный город! Там нет супермаркетов, куда все бегут, там нет светофоров, около которых то пешеходы, то автомобили стоят. Это совершенно другой образ жизни!».

Так и Петербург должен ассоциироваться и нести в себе совершенно другой образ жизни. Убежден, что старый Петербург необходимо сохра-

нять, и только за кольцом окружной дороги возможны новые, современные застройки.

А. П. МАРКОВ: — Александр Сергеевич, если признать Ваш тезис о том, что культура в Петербурге рухнула, исчезла классическая, традиционная духовность, значит выбить почву даже из-под сегодняшнего круглого стола. Если вот та архитектурная часть «задавила» метафизику, значит, никакого диалога уже быть не может. Не могу с этим согласиться. Считаю, что культура как хранитель духовности в принципе не может исчезнуть. Поясните, пожалуйста, какой класс культуры, который исчез с экспансией непетербургского стиля, Вы имели в виду?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я имел в виду прежде всего бытовую культуру, поведение людей в общественных местах, которое основано на внутреннем понимании своего места в этом мире. Исчезла петербургская интеллигентность в проявлениях бытовой культуры. Я не говорю, что это случилось со всеми петербуржцами. Но совершенно очевидно, что в целом, выходя на улицу, мы не видим больше прежней, высокой индивидуально-личностной культуры поведения. Сегодня в поведении массы людей мы видим несомненные симптомы недостатка внутренней культуры. Я говорил о той культуре, которая отличала петербуржцев от всех прочих жителей России и которой, увы, более нет.

Конечно, отдельные островки прежних традиций живы, но преобладание сейчас массовой культуры несомненно. В любом городе есть благороднейшие персонажи, столпы культуры, и люди, которые лужают семечки, плюют в транспорте и т. п. Везде есть разные люди. Но Петербург всегда был городом чрезвычайно высокой бытовой культуры, за которой стояла, конечно, и внутренняя культура, интеллигентность. Но, к сожалению, ныне эта культура в основном перешла в царство мертвых.

В. Н. ЛУКИН: — Мне представляется, что если принять это утверждение о падении культуры, то не только почва из-под нашего «Круглого стола» уходит, но и вопрос идеологии между двумя столицами закрывается сам по себе. Мне кажется, здесь есть одна небольшая неточность. «Коробочный» менталитет как раз и располагает к диалогу, поскольку вместе со старой санкт-петербургской архитектурой уходит и санкт-петербургская культура. Этим же и Москва страдает, к сожалению... Что же касается конкуренции, то Петербург, мне кажется, становится похожим в этом смысле на Москву, и тем самым вопрос о конкуренции закрывается.

В. М. ДИАНОВА: — Мы говорили сегодня о природном и архитектурном ландшафте, который ярко продемонстрирован особенно в особенностях того или другого города. Я же хочу поднять тему о ландшафте

культурологии, то есть о ландшафтных мирах культурологии как науки, то, чем занимаются культурологи и Петербурга, и Москвы.

Мне хотелось бы поговорить не о географическом, а о текстовом ландшафте, и в этом поле попытаться «нащупать» наши будущие формы работы. Можно ли говорить о школе культурологов Петербурга и о культурологической школе Москвы?

Мне кажется, проблема в том, что мы плохо знаем друг друга. Сегодня научные книги издаются очень небольшими тиражами, и поэтому они практически недоступны. Некоторые книги издаются буквально тиражом в 100 экземпляров, например, материалы какой-нибудь научной конференции, где выступают серьезные, авторитетные ученые нашего времени. И такое издание смогут получить только участники конференции. Это создает проблему общения.

Мне кажется, наша главная задача — развивать совместно науку культурологию, с тем чтобы не только мы читали тексты друг друга и могли вступать в творческие дискуссии, но и другие ученые и все желающие могли бы это сделать. Конечно, творческие контакты существуют, но они явно недостаточны. Давайте подумаем, как их расширить.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Я бы хотела выделить несколько аспектов рассматриваемой нами проблемы. Однажды Даниил Александрович Гранин назвал Ленинград великим городом с областной судьбой. И «эхо», которое прокатилось от этого афоризма Даниила Александровича по всей стране, было посильнее, чем от «быть пусту». Такой прогноз: великий город ждет областная судьба. Как говорили, за Москвой — Россия. И все тогда стремились в Москву.

Вспоминая это предсказание-предостережение, я думаю, мы вышли из той ситуации. Теперь у Петербурга вновь есть перспектива.

С одной стороны, наш город действительно несет в себе жертву, но с другой — в нем есть многое и разное, вмещающее понятие лика, личины и маски. Все эти образы взаимодействуют друг с другом. Так, маска иногда оказывается таинственным прикрытием скрытой истины для того, чтобы спасти ее; бывает маска у Петербурга не только brutальная, но и лукавая, притворяющаяся: чтобы могучая Москва не обидела и т. д.

На этом фоне, мне кажется, очень любопытно, что москвичи нас называют питерцами, а сами мы себя — петербуржцами. Москвичи словно не хотят произносить длинное «Санкт-Петербург» и трудно произносимое «петербуржцы».

Не потому ли это происходит, что сам Петербург стал иным — уже не Ленинград, но еще не Санкт-Петербург. Отсюда и урезанное, оставляющее надежду на рост «Питер». И разумеется, мы воспринимаем как величайшую ценность красоту исторического центра Петербурга и всего, что создано в нем великими мастерами прошлого. Мне кажется, что Петр I за-

думал этот город именно так — как шедевр, хотя «лик его ужасен», как напишет Пушкин.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Когда Шемякин вылепил Петра, лик его тоже стал страшен.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Да, ужасен. Но Петр I задумывал воспитать русского европейца, вырастить новое поколение хорошо образованных россиян. Это было главным для него. Здесь, конечно, можно спорить, не соглашаться. Отсюда и вечное соперничество двух городов, как в споре о яйце и курице. Например, Академия, Университет, Кунсткамера, потом при Екатерине Эрмитаж и т. д. Так шло развитие идеи Петра I: русский — новый европеец.

Вспоминаются слова Дмитрия Сергеевича Лихачева, что Петербург — это европейский город русской страны со своим обликом, и у него большое будущее.

В. П. ШЕСТАКОВ: — Сегодня мы обсуждали много контрверсий отношений между Москвой и Петербургом, их количество может быть бесконечно, потому что у них разные история, география, ландшафты и пр. Но Александр Сергеевич Запесоцкий поставил вопрос о базовой общности: что же нас объединяет? Мы можем без конца говорить о том, что и города, и ментальность людей, живущих в них, и все другое разное. Но мне кажется, что эта общность есть — в русском интеллектуализме.

Мне приходилось преподавать в американских университетах, и должен сказать, что лучшие студенты, которых я видел, — русские. Поэтому я считаю, что присутствие сегодня на этом форуме стольких замечательных молодых ученых, аспирантов и студентов — очень большой фактор надежды. Правда, не уверен, что все они пришли сюда по своей воле, но, тем не менее, пришли... Иногда волевой импульс преподавателя идет на благо.

Собрать в Америке столь обширную студенческую аудиторию на обсуждение темы «Общность и диалог между Сан-Франциско и Флоридой», например, практически невозможно, если это не включено в программу и если за это они не получают соответствующие баллы. На Западе господствует принцип, что настоящий джентльмен знает, что ему нужно, а чего он не знает — ему не нужно; этот принцип действует на всех уровнях высшего образования.

Поэтому у России — огромный интеллектуальный потенциал. Это наши университеты, и прежде всего — московские и петербургские, в том числе — Гуманитарный университет профсоюзов. Это средоточие русского интеллектуализма.

А. В. АГОШКОВ: — Я благодарен Гуманитарному университету профсоюзов и лично Александру Сергеевичу Запесоцкому за этот круглый стол.

Мое представление о совместном культурном пространстве Москвы и Санкт-Петербурга, в значительной мере, схоже с тем, о чем говорили сегодня уважаемые коллеги.

Однако, на мой взгляд, традиционная санкт-петербургская и московская идентичности в течение XX века испытывали непрерывные трансформации, но при этом изменения в этих городах шли несколько разными путями.

Московская идентичность трансформировалась, начиная с 1918 года, когда в Москву перенесли столицу. Туда потянулся служивый и торговый люд, и москвичей «испортил квартирный вопрос», как сказал классик. И испортил, уверяю вас, окончательно и бесповоротно. Это фактор, на мой взгляд, до сих пор является негативным и ведущим.

В Санкт-Петербурге трансформация традиционной петербургской идентичности шла все-таки несколько иными путями, в несколько этапов. Первый этап — с 1917 года и до конца межвоенного периода. Тогда в силу ряда социально-политических причин подвергалась эрозии петербургская идентичность, но формировалась идентичность новая, ленинградская. И она, на мой взгляд, получила окончательное оформление во второй, военный период, после того как город пережил чудовищную блокаду и связанные с этим лишения. Тогда сформировалась новая группа людей, блокадников, носителей новой идентичности ленинградцев, которые помнили это страшное время и ценили хорошее отношение людей друг к другу, взаимовыручку, солидарность и т. д.

Ленинградская идентичность просуществовала где-то до конца 1980-х годов, когда, опять же под влиянием социально-политических причин, перестройки, она была отчасти разрушена, отчасти видоизменилась. Однако процесс разрушения ленинградской идентичности, на мой взгляд, начался уже в конце 1960-х.

Можно связать начало этого периода с формированием правозащитного движения, групп интеллектуалов, которые обращались друг к другу «господин» и на дух не переносили ни Москву за ее столичность, ни Ленинград за его революционность, за то, что в его названии есть «Ленин». Впрочем, можно заглянуть еще глубже в историю России и отнести верхнюю границу первого из этапов рассматриваемого процесса ко времени отъезда Троцкого в эмиграцию.

Однако в полной мере этот процесс, конечно, развернулся лишь в конце 1980-х годов в связи с политическими изменениями в нашей стране, когда называться ленинградцем стало немодно и ленинградская идентичность разрушилась.

Третий этап можно связывать с построением новой петербургской идентичности, развернувшимся с 1990-х годов. Однако нельзя сказать, что нам удалось ее создать к настоящему времени.

В этом смысле у Москвы и Петербурга много общего, и перспективы формирования московской и петербургской идентичности, на мой взгляд, в будущем будут идти схожими путями. Тут я позволю себе не согласиться с глубокоуважаемым Александром Сергеевичем Запесоцким. Да, с одной стороны, Москва и Петербург действительно движутся схожими путями, общий уровень бытовой культуры упал повсеместно и катастрофически. Оба города переживают нашествие мигрантов, и там, и там — грязь и, так сказать, засилие «дикого» капитала и т. д. Но с другой стороны, ведущей идентичностью — и московской, и Санкт-Петербургской, и в целом нашей будущей — является не новорусская, а глобально-мобильная идентичность. На мой взгляд, ее ведущая черта — стремление к переменам во всем, к смене работы, жилища, круга общения, мужа, жены, страны проживания и т. д. Сегодня уже обычна ситуация, когда люди учатся в Москве, имеют там квартиру, сдают ее и могут, в принципе, не работать, однако работают в фирме, которая зарегистрирована в ФРГ, и живут на Лазурном берегу.

При этом следует сказать, что новая глобально-мобильная московская и Санкт-Петербургская идентичность входит в определенные противоречия с идентичностью общероссийской и с региональной. Регионы до сих пор живут по своим законам, своей жизнью. Иногда приезжаешь куда-нибудь в глубинку, и такое ощущение, что с начала XX века ничего не изменилось. Но это уже тема для другой дискуссии.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Андрей Валерьевич Агошков подтвердил тезис Моисея Самойловича Кагана о том, что Москва — это «ворота в Америку».

Дорогие друзья, спасибо большое за этот интересный диалог.